

УДК 343.1

Г.Н. Мухамадиева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, и.о. доцента кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Казахстан, г.Алматы
E-mail: Gucci_1978@mail.ru

**Право на личную свободу
как основа принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе**

Права человека реальны настолько, насколько общество способно их обеспечить, насколько оно заинтересовано в этом. Разумеется, действие этой закономерности не является исключительным: важнейшая роль принадлежит самой личности, ее качествам, ее активности. Но противопоставлять ее обществу, создавать видимость независимости результатов осуществления ее прав от социальной среды – значит заведомо предусматривать возможности проявления несправедливости в этой области. Образуется неразрывная связь человека и государства, опосредованная их взаимными правами и обязанностями, а также установленной в законе юридической ответственностью.

Ключевые слова: личность, неприкосновенность личности, личная свобода, уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, задержание, арест, санкционирование, гарантия неприкосновенности личности.

G.N. Muhamadieva

**Right to personal liberty as the basis of the principle
of the inviolability of the individual in criminal proceedings**

Human rights are real as far as society is able to provide them, as far as it is interested in it. Of course, the effect of this relationship is not exclusive: the most important role belongs to the personality, its qualities, its activity. But contrast it to society, to create the appearance of independence of the implementation of its rights from the social environment – so obviously the possibility of the inequities in this area. Formed an inextricable link between man and the state, mediated by their mutual rights and obligations, as well as set-in-law legal liability.

Keywords: Personality, integrity, personal liberty, criminal procedure enforcement, preventive measures, detention, arrest, authorization, guarantee the inviolability of the person

Г.Н. Мухамадиева

**Жеке бастың бостандығына құқықтық-қылмыстық іс жүргізудегі адамның
жеке басына тиіспеу принципінің негізі ретінде**

Қылмыстық сот өндірісі сферасына тартылған индивидтің бостандығы қаншалықты? Дәл осы сферада адам ерекше қылмыстық-процессуалдық мәртебеге ие болып, мемлекеттік мәжбүрлеудің ең қатал қылмыстық жүйесінің әрекет етуіне тап болады. Тергеуде болушыны кінәлі деп тапқанға дейін оған солардың салдарынан жеке бостандығының көлемі едәуір шектелетін қылмыстық-процессуалдық мәжбүрлеу шаралары қолданылады.

Түйін сөздер: тұлға, адамның жеке басына тиіспеу, жеке бостандық, қылмыстық-процессуалдық мәжбүрлеу, бұлтартпау шаралары, ұстау, қамауға алу, санкциялау, адамның жеке басына тиіспеудің кепілдері.

О личности как о системообразующей категории мы можем говорить только тогда, когда она обладает достаточной свободой в обществе. Мало того, для защиты своих свобод личность наделена в государстве определенным объемом прав (ч.1 ст. 18 Конституции РК).

Свобода личности в обществе соизмеряется многими показателями, т.к. в общий правовой статус личности включены и правовые свободы, представленные в качестве субъективных прав. Так, в частности, это может быть свобода слова, отражающая его политическое право; свобода творчества, включающая культурные интересы личности. В гражданских правоотношениях действует лозунг: «Разрешено все, что не запрещено законом».

Подтверждение собственного суждения мы находим, исследуя труды Строговича М. С., который отмечает, что «Свобода личности – это тоже ее право». С другой стороны, «любое право личности включает в себя определенную свободу в поведении, то есть определенную сферу возможностей, в пределах которой человек выбирает ту или иную форму поведения, принимает решение, как ему следует поступить – иначе это было бы не право, а обязанность» [1; с. 24]. Российский теоретик права Матузов Н.И. пишет: «... Когда законодатель хочет предоставить свободу, он предоставляет право. Собственно свобода в юридическом смысле и есть субъективное право, как и наоборот, субъективное право есть юридически гарантированная свобода» [2; с. 250].

Однако необходимо осознать категорию, что нигде в мире нет абсолютной свободы. Мера свободы личности непосредственно связана с уровнем свободы общества. Личность не может быть свободной от общества так же, как она не может быть свободной от природы. Ясно, что человек свободен в обществе настолько, насколько ему позволяет уровень свободы самого общества. Права человека реальны настолько, насколько общество способно их обеспечить, насколько оно заинтересовано в этом. Разумеется, действие этой закономерности не является исключительным: важнейшая роль принадлежит самой личности, ее качествам, ее активности. Но противопоставлять ее обществу, создавать видимость независимости результатов осуществления ее прав от социальной среды – значит заведомо предусматривать возможности проявления несправедливости в этой области.

Таким образом, свобода индивида не безгранична. Ограничения связаны, прежде всего, с необходимостью обеспечения общественного порядка, прав и свобод других индивидов, государственной, экологической безопасности, сохранения конституционного строя, межнационального согласия и др. Однако и эти ограничения тоже не безграничны. Так, например, в соответствии с ч.3 ст. 39 не допускается ни в какой форме ограничение прав и свобод граждан по политическим мотивам. Ни в каких случаях не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст.ст. 10, 11, 13-15, п. 1 ст.16, ст. 17, ст. 19, ст. 22, п. 2 ст. 26 Конституции. В данном случае речь зашла о законодательных (конституционных гарантиях) правах и свободы человека и гражданина, которые максимально защищают от применения к ним мер государственного принуждения.

Тем не менее, продолжим исследование свободы как основы принципа неприкосновенности личности. Какова же свобода индивида, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства? Ведь именно в данной сфере человек приобретает специфический уголовно-процессуальный статус и попадает под действие самой «суровой» уголовной системы государственного принуждения. До признания подследственного виновным в совершении преступления последний подвергается мерам уголовно-процессуального принуждения, посредством которой объем его личной свободы существенно ограничивается.

Правоограничительная направленность принуждения в уголовном процессе вытекает из общей аксиомы государственного принуждения, которое рассматривается как физическое или психическое воздействие путем причинения личных, материальных и моральных ограничений в целях подчинения требованиям государства. Нетрудно заметить, что в этом определении в качестве главной цели принуждения выступили исключительно государственные интересы. Представляется, что данное определение недостаточно полно выражает сущность принуждения, поскольку в тени остается его праворегулирующий характер. Следует согласиться с казахстанским ученым Ахпановым А.Н, считающим, что «государственное принуждение следует рассматривать как один из методов регулирования общественных отношений. Такое понимание сущности принуждения позволяет

выделить в нем наиболее характерное, основное качество, соединяющее в себе как целевое, так и инструментальное предназначение принудительных мер». Под целевым предназначением автор понимает «совокупность задач, решаемых при помощи государственного принуждения. Инструментальное предназначение принуждения обуславливает выбор и оперирование специфическими средствами и способами в целях достижения имеющихся задач» [3; с. 34].

Обращение к средствам уголовно-процессуального принуждения продиктовано объективными обстоятельствами. Но в каждом случае его применения необходима нравственная обоснованность принятого решения и совершаемого действия. Гражданин, подвергаемый государственному принуждению в сфере уголовного судопроизводства, должен осознавать свою обязанность следовать установленному законом предписанию или принуждению. В то же время должностное лицо, прибегающее к средствам принуждения, должно понимать необходимость и нравственную обоснованность подобного воздействия, не только юридическую, но и моральную правоту своих действий [4; с. 35]. Важным здесь является сохранение дисбаланса интересов противоположных сторон: государства в лице своих правоохранительных органов, чья деятельность направлена на изобличение и наказание виновных, чьи интересы в уголовном процессе сводятся к тому, чтобы избежать ответственности.

Уголовно-процессуальным законом и подозреваемые, и обвиняемые лица, подвергшиеся уголовному преследованию, наделены блоком процессуальных прав, а также процессуальных и конституционных гарантий, которые и определяют объем их социальной свободы. Уместно будет привести высказывание Воеводина Л.Д. и Краснова М.А., указавших, что «право – это возможность получить какое-либо социальное благо, а свобода – это возможность совершить тот или иной поступок. Но каждая конституционная свобода гражданина есть одновременно и его право» [5; с. 9]. Таким образом, мера свободы личности в сфере уголовного судопроизводства определяется совокупностью принадлежащих ей конституционных и процессуальных прав. Например, право обвиняемого на защиту – это гарантированная законом свобода опровергать обвинение» [6; с. 20] и т.п.

При этом следует согласиться с авторами, считающими, что свобода и субъективные права – все категории разного порядка [6; с. 21]. Так, в частности, свобода, уже в соответствии с современным (демократическим) законодательством – это одно из прав, мало того, – это право входит в разряд неотчуждаемых и естественных прав, ущемление и ограничение которых производится только государством, только в крайних случаях и только на законных основаниях.

Следовательно, применение ограничений возможно лишь в том случае, если они предусмотрены законом. Однако есть и мнения обратного порядка. Так, например, имея в виду право неприкосновенности личности, Патюлин В.А. считает, что «совершенно недопустимо говорить о том, что оно может быть ограничено правомерными действиями работников милиции, прокуратуры и суда. По мнению автора, в данном случае ограничивается не право на неприкосновенность, а сама неприкосновенность как фактическое состояние» [7; 15].

На сегодня такая позиция опровергнута не только демократическими политическими тенденциями казахстанского общества, но и практикой правового реформаторства, показавшего, что в основе общественного согласия, охраны и защиты интересов личности стоит право и подчиненная ему система законодательства Республики Казахстан. Государство защищает и гарантирует соблюдение прав и интересов граждан только в том случае, если они установлены в законе. Основопологающим здесь выступает принцип законности, возглавляющий систему конституционных и правовых принципов отечественного законодательства. Значит, свобода индивида ограничивается только посредством норм права.

Проблема в данном случае, на наш взгляд, видится совсем в другом.

Во-первых, урегулированный нормами права механизм ограничения прав и свобод должен быть применим (т.е. нормы права должны соответствовать тем социальным, политическим, культурным и другим условиям жизнедеятельности общества, в котором оно находится в данный момент). Это – проблема законодателя.

Во-вторых, практика правоприменения должна отвечать требованиям законности и сопровождаться такими требованиями к субъектам правоприменения, как нравственность, профес-

сионализм и др. Здесь немаловажным фактором выступают и индивидуальные свойства указанных субъектов, такие, как: порядочность, чувство долга, образованность, патриотизм, высокое само- и правосознание и др. Нарушения прав и свобод, в частности, и неприкосновенности личности, отчасти, мы наблюдаем из-за невежества работников правоохранительных органов, их низкой профессиональной подготовки и т.д.

Зачастую именно этими лицами нарушаются нормы закона, устанавливающие неприкосновенность личности в уголовном процессе.

Следовательно, принуждение как установленная уголовно-процессуальным законом мера ограничения оправданна, несмотря на то, что посягает на конституционное право – на свободу личности. О неприкосновенности личности при

применении мер уголовно-процессуального принуждения мы говорим, акцентируя внимание на сохранении за индивидом определенного блока прав и свобод, которые не могут ограничиваться и нарушаться ни государством, ни другими субъектами правоприменения.

Ярким примером сегодня служит законодательная регламентация предельного срока задержания до предъявления обвинения и заключения под стражу; санкционирование судом арестов; запрет унижения достоинства и применения насилия, пыток; усиление ответственности за нарушение прав и законных интересов граждан при производстве следственных действий; правовое обеспечение надзора и контроля за предварительным расследованием уголовных дел, а также другие гарантии неприкосновенности личности в уголовном процессе.

Литература

- 1 Строгович М.С. Общие положения теории прав личности в социалистическом обществе. В кн.: Права личности в социалистическом обществе. – М.:Изд-во наука,1981. С. 272.
- 2 Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов: Изд-во Саратов-го унта,1972. – С.294.
- 3 Ахпанов А.Н. Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования. – Алматы: Жеті-Жарғы, 1997. – С. 176.
- 4 Москалькова -Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. – М., 1996. –С. 35-36 // Вестник Московского государственного университета. Серия 11.
- 5 Воеводин Л.Д., Краснов М.А. О формах конституционного закрепления свободы личности в СССР // Сов.гос. и право. – 1982. – №4. – С. 8-9.
- 6 Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: Общая концепция. Неприкосновенность личности. – М.: Наука, 1985.– С. 239.
- 7 Патюлин В. А. Неприкосновенность личности как правовой институт //Сов.гос. и право. – 1973. №11. – С. 12-20.

References

- 1 Strogovich MS General theory of individual rights in a socialist society. In.: Individual rights in a socialist society. – Moscow: Publishing House of Science, 1981. S. 272.
- 2 Matuzov NI Personality. The right. Democracy. Theoretical problems of subjective rights. – Saratov: Sarat in the first un ta, 1972. 'S.294.
- 3 Ahpanov AN The problems of criminal procedural coercion in the preliminary investigation stage. – Almaty: Jeti-Zhargy, 1997. S. 176.
- 4 Moskalkoeva -T.N. Ethics of Criminal Procedure Evidence. – M.: 1996. S. 35-36. // Bulletin of Moscow State University. Series 11.
- 5 Voevodin LD. Krasnov MA On the forms of constitutional entrenchment of individual freedom in the USSR. // Sov.gos. and law. 1982. Number 4. C. 8.9.
- 6 Petruhin IL Individual liberty and criminal procedure compulsion: The general concept. The inviolability of the person. – Moscow: Nauka, 1985. S. 239.
- 7 Patyulin VA inviolability of the individual as a legal institution. // Sov.gos. and law. 1973. Number 11. S. 12-20.